

Жида), в сторону которой можно расширить горизонт интерпретации. Содержание книги Гезы Хорвата представляет собой новый подход к анализу романа Достоевского *Подросток*. Главное достоинство работы заключается в том, что исследователь сумел убедительно доказать взаимосвязь между языковой упорядоченностью текста произведения, нарративной функцией речи и автопоэтической установкой романного жанра. Отметим вместе с тем, что некоторая перегруженность стиля автора иногда затрудняет чтение книги.

Molnár Angelika

F. Prešeren – A.S. Puškin (ob 200-letnici njunega rojstva) / Ф. Прешерна – А.С. Пушкин (к 200-летию их рождения), ред.: Miha Javornik, Ljubljana, Znanstveni inštitut Filozofske fakultete, (Razprave Filozofske fakultete) 2001, 226 стр.

В мае 2000 года в Москве состоялся международный научный симпозиум, которым словенские и русские исследователи отметили 200-летие рождения Ф. Прешерна и А.С. Пушкина. Симпозиум организовали Институт славяноведения РАН и Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, а сборник докладов *F. Prešeren – A.S. Puškin (ob 200-letnici njunega rojstva) / Ф. Прешерна – А.С. Пушкин (к 200-летию их рождения)* – заслуга кафедр русского языка и литературы Отделения славяноведения и Научно-исследовательского института Философского факультета Люблянского университета (отв. ред. Миха Яворник).

В сборник вошли доклады российских и словенских ученых-славистов и компаративистов, представляющие собой вклад в исследования творчества как Прешерна, так и Пушкина, а также показывающие параллели в их творческом развитии, открывая таким образом различные пути в сферу культурологии. Подобная тематическая организация сборника помогла избежать неясностей в методологической и тематической областях, необозримости результатов и других опасностей, неизбежно подстерегающих проекты такого рода. В то же время симпозиум нельзя упрекнуть в недостатке здоровых амбиций, ведь и исследования отдельных проблем, и культурологические сопоставления достаточно последовательно объединяли анализ и осмысление результатов, и таким образом не остались втуне.

Взгляд на Прешерна с русской точки зрения и на Пушкина со словенской открыл новое понимание двух „национальных поэтов” и

культур, так как участники симпозиума очевидно осознавали тот факт, что „[в] области культуры внеаходимость – самый могучий рычаг понимания” и что „[ч]ужая культура только в глазах *другой* культуры раскрывает себя полнее и глубже”. Эту мысль М.М. Бахтина, которая стала отправной точкой культурологического исследования А. Сказы, можно принять за основу обсуждаемого сборника в целом, и не только его, а также и международных конференций, состоявшихся в юбилейные 1999 (150-летие со дня смерти Прешерна) и 2000 годы в родном городе Прешерна – Кране, в Риме и в Любляне*.

Большинство участников московского симпозиума воплотили этот принцип в анализе историко-типологических, а чаще культурологических сопоставлений текстов Прешерна и Пушкина. Сравнительный анализ и интерпретация приводили исследователей к размышлениям об образе поэта в романтизме (М. Юван, Е. Милюгина, Ю. Созина, А. Смирнов), о мифологизации в произведениях Прешерна и Пушкина, т.е. в ключевых текстах для словенской и русской национальной самоидентификации (М. Яворник, И. Верч, М. Юван, В. Хорев, Г. Филипповский, А. Сказа, Е. Милюгина, С. Шерлаимова) и, наконец, о типологии словенской и русской литературы и культуры (И. Верч, А. Сказа, М. Яворник, Я. Кос, Т. Чепелевская, М. Кмецл, Н. Старикова). Относительно подходов к предмету исследования все доклады можно разделить на статьи о собственно Прешерне и Пушкине и на обсуждения уже существующих литературных, публицистических, литературоведческих и даже политических оценок творчества этих двух поэтов, сложившихся в процессе саморефлексии словенской и русской культуры. Анализу подобных оценок уделили внимание И. Верч и Н. Старикова, а в ходе конкретизации и осмысления исследований о самих поэтах также и М. Кмецл, М. Яворник, А. Сказа, С. Шерлаимова, А. Белчевич. Оба подхода, конечно, взаимосвязаны, так, например, в словенской культуре Прешерн мифологизируется именно вследствие того, что он сам мифологизировал те вопросы, которые до сих пор, как от-

* См. сборники: *Prešernovi dnevi v Kranju*, ред. Boris Paternu, Kranj, Mestna občina Kranj 2000; *Prešerniana. Dalla lira di France Prešeren: armonie letterarie e culturali tra Slovenia, Italia ed Europa*, ред. Janja Jerkov и Miran Košuta, “Ricerche slavistiche”, Nuova serie, кн. 1 (XLVII), 2003 (спец. вып. *Materiali международной конференции*, Università degli Studi di Roma “La Sapienza”); *France Prešeren – kultura – Evropa*, ред.: Jože Faganel, Darko Dolinar, Ljubljana, ZRC SAZU 2002; *Romantična pesništvo: ob 200. obletnici rojstva Franceta Prešerna*, ред. Marko Juvan, Ljubljana, Center za slovenščino kot drugi/tuji jezik pri Oddelku za slovanske jezike in književnosti Filozofske fakultete, (Obdobja 19), 2002.

мечает И. Верч, важны для словенцев при определении культурного и национального идентитета. Третий подход представлен в докладах М. Ювана, Е. Милюгиной, Ю. Созиной и А. Смирнова, посвященных проблемам автотематической поэзии, т.е. оценкам Прешерна и Пушкина, высказанных на их собственном поэтическом языке*.

Те исследователи, которые сосредоточили свое внимание прежде всего на Прешерне, также деавтоматизируют его рецепцию в разных контекстах, обеспечивающих понимание. Так А. Белчевич анализирует поэтику Прешерна на недостаточно, по мнению автора, изученном фоне стихотворных форм словенской светской поэзии и религиозных народных песнопений. В. Хорев сопоставляет поэтическую повесть *Крещение при Савице* Ф. Прешерна (1836) с поэмой *Конрад Валленрод* А. Мицкевича (1828), а М. Кмецл – с темой Элоизы и Абелляра, также моделирующей универсальную оппозицию „природа – культура”. Современная глобализация послужила для С. Шерлаимовой толчком к рассмотрению ключевой роли Прешерна и других национальных поэтов в процессе становления самосознания славянских народов. Е. Милюгина интерпретирует творчество Прешерна с точки зрения романтической концепции Поэта, отмечает также сопоставимые элементы творческого самосознания Пушкина и таким образом приближается к доминирующему в сборнике сравнительному анализу двух национальных поэтов.

Исходя из вступительных рассуждений М. Яворника, раскрывающих диалектику наблюдения за центробежными и центростремительными силами изучаемого явления, можно в ряде докладов заметить комбинирование исторического и типологического взглядов на сопоставленные культуры: диахронический анализ выявляет главным образом эстетические, общественные и идеологические различия, а синхронический – трансторические соответствия. Подобным же образом И. Верч устанавливает связь творчества Прешерна и Пушкина с дальнейшим процессом интертекстуального формирования словенского и русского идентитета, Я. Кос – с типологией романтизма, Г. Филипповский – с карнавальной двумирностью Весны и Зимы в славянской обрядовой поэзии. А. Сказа как основу для сопоставления двух поэтов и культур выбирает *Венок сонетов* (1834) и „роман в стихах” *Евгений Онегин* (1825-1832), М. Яворник – *Крещение при Савице* и „петербургскую повесть” *Мед-*

* Сокращенные варианты статей Я. Коса, А. Белчевича и И. Верча опубликованы в переводе на рус. яз. в: *Славянский альманах 2001*, Москва, Индрик 2002, стр. 356-382. Доклад М. Ювана также в сокр. вар-те в: *Славяноведение 2002/5*, Москва, Наука 2002, стр. 36-49.

ный всадник (1833), М. Юван, А. Смирнов, Ю. Созина – саморефлексивную поэзию, Т. Чепелевская – тему рода и семьи, а Е. Саркисян – мотив “memento mori”. Аналогичную двойственность синтагматических различий и парадигматических сходств можно обнаружить даже в преимущественно синхроническом сравнительном нарратологическом анализе *Крещения при Савице* и *Евгения Онегина*, представленном М. Штухцем.

Несмотря на все тематическое разнообразие, тем не менее, по нашему мнению, ощущается нехватка анализа переводов, который мог бы стать любопытным подтверждением фундаментальных, прежде всего культурологических обсуждений взаимной (не)переводимости сравниваемых культур. Недостаточное внимание к данной проблеме, по крайней мере, имплицитно присутствующей в основе любой гуманитарной мысли, в настоящее время весьма актуальной также и за ее пределами, могло бы стать решающим для доклада Е. Милюгиной. В заглавии своей статьи автор использовала стих “iz srca svoje so kalí rognale” (досл.: „сердце [стихов] дало их ростки”) из второго сонета *Венка сонетов*, но в переводе С. Шервинского, в котором эта строка звучит так: „мое из сердца выросшее слово”. Рискнем утверждать, что лексема „слово” в контексте русского перевода сонета актуализирует семантическое поле, которое приблизительно совпадает со значением слова „Логос” (ср. Мф 12: 34: „Ибо от избытка сердца говорят уста”; на сл. яз.: “Iz greobilja srca namreč govorijo usta”). Романтическая концепция „поэзии” с ним, конечно, частично пересекается, частично однако они взаимоисключаются, ведь, как показывает М. Юван, в период расщепления традиционных систем легитимации в секуляризованном мире „новая мифология” или „религия искусства” заменяет метафизику и религию (эти поля также могут быть отнесены к „Логосу”). Однако благодаря тому, что Е. Милюгина использует цитату только в заглавии, и не включает ее в ядро своих размышлений, что, кстати, вызывает некоторое удивление, – эта неадекватность не результирует в ее собственном перепереводе Прешерна.

Несомненно однако, что русские переводы внесли свой вклад в развитие ее тезисов о поэзии Прешерна как выражении романтической идеи Поэта, а также стали материалом для размышлений других докладчиков, которым поэзия Прешерна не была доступна в оригинале. Ю. Созина, хотя и приводит переводы оригинальных отрывков, но при этом, кроме случая объяснения значения понимания „счастья” в поэзии Прешерна, не привлекает их к анализу. На несоответствия в переводе *Венка сонетов*, выполненного упомянутым

выше переводчиком, в своем культурологическом эскизе указывает А. Сказа.

Доклады также и с точки зрения методологии соответствуют выбранному предмету исследования. В соответствии с основной целью симпозиума, и не в последнюю очередь по причине недостатка литературных контактов, т.н. *rappports de fait*, в центре внимания участников оказались не столько генезис и влияния, сколько поэтика, эволюция, типология, рецепция и канонизация Прешерна и Пушкина. Большая часть докладчиков, обратившихся к исследованию творчества Пушкина и/или культурологических вопросов, среди них следует отметить прежде всего И. Верча, М. Яворника, А. Сказу и Т. Чепелевскую, в определенной степени опирается на методологические положения, выдвинутые Ю.М. Лотманом, или на конкретные результаты их применения. Основатель и главный представитель московско-тартуской семиотической школы, который по утверждению исследователей Р.Г. Григорьева и С.М. Даниэля знал наизусть почти всего Пушкина, создавал и проверял свою структуральную поэтику и семиотику культуры в том числе и в процессе изучения жизни и творчества поэта. А опыт лотмановской эпистемы, структурализма, разделяют практически все участники симпозиума, дополняя его при этом разными методами, в том числе и бахтинской теорией высказывания, рецептивной эстетикой и радикальным конструктивизмом Зигфрида Й. Шмидта; применяются также разные способы интерпретации и, например, модернизованная история духа (*Geistesgeschichte*). Но несмотря на методологический плюрализм общим стержнем проекта остается сравнительный подход. (На преимущественное использование метода сравнительных исследований в современной славистике в своем докладе указывает А. Шешкен.)

Для концепции конференции важным является то, что ее участники центральную проблематику взаимодействия процесса национальной самоидентификации и эволюции романтической литературы у славян не сводили к прагматично понимаемому панславизму или сходным темам, которые при условии более идеологизированной или актуально-политически ориентированной, но в любом случае менее научной, установки, напрашивались бы сами собой. Хотя международный симпозиум о словенском и русском национальных поэтах проходил в период активизации процессов глобализации – значимость этого обстоятельства подчеркивает и М. Яворник в предисловии к сборнику, – он стал не ее жертвой, а имплицитным комментатором ее негативных последствий и, несомненно, образцом более конструктивного и гуманного варианта ее развития, симпо-

зиумом, который основывается на учитывании „другости” каждой культуры*.

Jernej Habjan

A szótól a szövegig és tovább... [Dalla parola al testo e oltre..., Studi sulla letteratura e sulla poetica russa], a cura di Árpád Kovács e István Nagy, Budapest, Argumentum, 1999, 529 pp.

Il volume, che raccoglie scritti di autori in parte già ampiamente noti al lettore specialista, sigla l'inizio di quella che può essere a pieno titolo riconosciuta come scuola ungherese di semiotica e di poetica della letteratura. Per affermazione degli autori stessi, la scuola inaugura un indirizzo nuovo nel campo delle ricerche letterarie: quello della *poetica discorsiva*.

La poetica discorsiva in quanto al contempo teoria della letteratura e metodo di analisi dei testi poetici trova in massima parte il suo fondamento teorico nella semiotica della letteratura. Rifiutando semplicistiche spiegazioni empiriche – che riconoscano al lettore l'evidenza di saper distinguere tra un testo come *La critica della ragion pura* e un romanzo manzoniano – gli autori insistono sulla necessità di individuare relativamente al discorso letterario tratti di distinzione di carattere semiotico e poetico. In un simile approccio, l'opera letteraria in quanto luogo di analisi diviene non semplice illustrazione di tesi predefinite, ma laboratorio sperimentale di una ricerca teorica *in fieri*.

Oggetto d'indagine sono qui opere di autori ed epoche le più diverse, da Puškin a Dostoevskij alla letteratura russa moderna. Sul piano teorico, i punti di riferimento della scuola spaziano dalla filosofia del linguaggio di Humboldt e Potebnja alla morfologia di Propp e alla poetica narrativa di Bachtin per approdare, attraverso l'esperienza dei formalisti, alla teoria del punto di vista narrativo di Uspenskij, alla mitopoetica di Toporov, alla semiotica e poetica della cultura di Lotman, alla concezione del testo di Smirnov e Faryno, fino alle teorie dell'ermeneutica moderna (Heidegger, Gadamer, Ricoeur, Iser e Jauss) e alle concezioni decostruzioniste della letteratura (Paul de Man, Aage Hansen-Löve). Di scuola, si diceva, si può dunque parlare a pieno titolo: siamo infatti in presenza di uno stile di pensiero comune e di un comune metodo di testualizzazione. Esiste un fondo teorico condiviso da tutti gli autori, articolato poi in diversi argomenti. Questo fondo si struttura in due parti

* Cp.: Aleksander Skaza, *Kulturologija in poučevanje ruske literature v svetu v pogojih globalizacije*, "Primerjalna književnost", 2002: 25/1: 1-7.